

Часть первая

КУЛАКИ

ГЛАВА 1

Это была кровавая сшибка двух конных волн казаков, которых Гражданская война развела по разные стороны линии фронта. Может, среди них были и родичи, знакомцы, кто-то вместе воевал в Первую мировую. И теперь все они жаждали одного — убить врага, растоптать. Клинком возвысить свою правду.

Я был хорошим наездником. Но когда мы сошлись, жуткая сила выбила меня из седла. Шашка упала в грязь. И я только успевал уворачиваться от копыт, грозивших втоптать меня в степную сухую почву.

Дело даже не в том, что это было страшно. Просто я ощущал себя щепкой, которую несет водопад. Ржание коней вокруг, выстрелы. Мелькают копыта. Падают лошади и люди. Брызжет кровь. И я не могу сделать ничего, потому что барабан револьвера опустел. Голова ходит ходуном. По шее льется кровь. Слаб я, мне нечего противопоставить этому потоку.

Надо мной, осадив лошадь и приподнявшись в седле, навис огромный казак. Он поднял шашку. И я осознал, что отвоевался — меня сейчас разрубят пополам.

А потом стальная молния клинка снесла казака. И красный командир Фадей Селиверстов заорал:

— Не зевай!

Он выстрелил в еще одного противника. И каким-то чудом вытащил меня из свары.

Этот жестокий бой, где я остался жив силой провидения да крепкими рукой и словом Фадея, мне снился уже который год. И во сне, как тогда наяву, острыми когтями меня царапало ощущение собственной беспомощности. Вот оно опять навалилось и прошло. И меня повлекло по радужной волне. Пришло спокойствие. А потом я вздрогнул и очнулся.

Отсутствовал в этом мире каких-то пару минут. Изможденный вечной бессонницей и нервным напряжением, прямо за рабочим столом я отключился, провалился в текучее марево, где жили образы прошлого. И где страх всегда сменялся вольным покоем.

Я потер виски, возвращаясь на твердую землю. И поймал на себе сочувствующий взгляд Фадея. Это фигура из моего прошлого, которую я будто вытащил из нахлынувших сонных воспоминаний в настоящее.

Конечно, никуда я его не вытаскивал. Он со мной всю мою сознательную жизнь. Вон, устроился на стуле напротив меня, смотрит с сочувствием и тревогой. Невысокий, массивный, с широченными могучими плечами. С Гражданской войны его лицо сильно округлилось, лоб прорезала глубокая морщина, а на поседевшей голове появились обширные залысины. А выдающийся нос картошкой

остался все тем же. И глаза все такие же ярко-синие, умные, но уже далеко не такие задорные, а больше ироничные.

Фадей был одет в безукоризненно отутюженную военную форму. По две шпалы в каждой малиновой петлице. Бывший казачий десятник, разведчик-красноармеец, сегодня он старший лейтенант госбезопасности и мой заместитель.

Ну а мой гражданский пиджак ни о чем не говорит. Я ведь капитан госбезопасности, заместитель начальника областного Управления НКВД и одновременно начальник Управления государственной безопасности. Только форму надеваю редко.

Я пододвинул к себе стопку утренних газет. «Известия» от 28 мая 1938 года. «Фашистские бомбардировщики в одиннадцатый раз атаковали испанский городок Фрагу»... «Мы дадим фашистам бой» — песня батальона имени Тельмана испанской республиканской армии.

Испания. Мои друзья бьются там в составе интербригад с фашистами. В основном с немцами — те вовсю пробуют силы в Европе. Испанские перспективы для нас неважные. Не приведи господи, если это репетиция большой войны...

Что еще? О как! Американский журнал «Тайм» признал канцлера Германии Адольфа Гитлера человеком года. За объединение немецкого народа — то есть за оккупацию в марте Австрии. Не рановато ли подсуетились? Год только начался...

— Совсем ты вымотался, — сочувственно произнес Фадей. — На ходу спишь. Тебе на рыбалку бы. Да поутру.

— Не томи душу, злыдень, — мечтательно вздохнул я, поскольку рыбалка была моим любимым и чаще недостижимым видом досуга. — А сам-то! Живешь на работе. Жена и дочери тебя не видят.

— Время такое, — вздохнул Фадей. — Тяжелое.

— Время, черти его дери. Время.

Время коварно — это да. Оно течет слишком быстро. И, как морская волна, выносит на берег щепки разбитых надежд и ожиданий.

Вон, вспомнить двадцатый год. Жили мы безоглядно, на всю катушку, не боялись ни смерти, ни бога, ни черта. Готовы были сложить буйные головышки за светлое будущее, которое совсем рядом. Главное — выгнать интервентов и эксплуататоров. И будет всем счастье. Вот оно, то светлое будущее. Теперь я усталый и угрюмый. С ноющими старыми ранами. И живу в тени тезиса о нарастании классово-вой борьбы с развитием социализма. То есть дальше врагов народа будет все больше. Значит, больше работы мне, карающей длани советского государства...

Я пододвинул к себе кипу папок. Вот она, классовая борьба — во всей красе. В материалах агентурных дел. В приговорах Троек. В бессонных ночах и тягостных сомнениях — а не снится ли мне все это? Нет, не снилось.

— Ну, так что там с «путейцами»? — возобновил я прерванный разговор.

— Все на мази, — расплылся в широкой доброй улыбке Фадей. — Народец в предвкушении и доволен. Сегодня пойдут на дело.

— Агенту доверяешь?

— Как себе.

— Поверим на слово. — Я постучал пальцами по столу — он у меня старорежимный, от царских чиновников, массивный, с резными тумбами, покрытый синим сукном. — Кого берем на мероприятие?

— Вот, — Фадей протянул мне папку с планом под грифом «Секретно». Там все — расстановка личного состава, места дислокации и задачи. Сигналы. Схемы. Сделано идеально и продумано до мелочей. Мой заместитель большой мастер планов и бумажек.

Я одобрительно хмыкнул:

— Дельно!

Тут дверь распахнулась. Без стука и звука. Начальственный обход.

Высокий, статный, седой майор государственной безопасности Гаевский уже третий год держал в своих руках штурвал нашего корабля. И привычек не менял — любил лично обходить дозором свои владения. Входил обычно без стука. Интересовался по-отечески делами. Пожимал руки. Напутствовал. Таким образом хотел держать все под неусыпным контролем.

У всех свои чудачества. Не страшно. Руководителем он был в целом терпимым, если не обращать внимания на некоторые опасные моменты. Не злопамятный, тактичный, хотя порой язвительный, а иногда выходящий из себя. Полная противоположность прошлому начальнику — черноморскому матросу, из тех, которые одно время выбивались в руководство ВЧК. У того через два цензурных слова звучало десять матюгов, да еще вечный трубный

рев на подчиненных, хватание за именной маузер, пожалованный Дзержинским.

За начальником УНКВД как хвост тащился в вечно мятом кителе, со щетиной, невысокий, длиннорукий, худощавый, с жиденькими волосами, неопределенного возраста — от двадцати пяти до пятидесяти, Ефим Грац. Это наш начальник временной специальной следственной группы. Пламенный и бестолковый оратор, известный факир — в его руках как по волшебству из пустоты возникали троцкистские группы и антисоветские подполья.

— Как, товарищи, работается? — по-отечески спросил Гаевский, окидывая глазами кабинет и останавливая взор на плане мероприятий.

— Готовим операцию, товарищ майор, — отчеканил я. — Агентурное дело «Путейцы». Источник внедрен в банду, занимающуюся хищениями железнодорожных грузов. Сегодня на заводском тупичке преступники намерены подогнать грузовик и распотрошить пару вагонов. Есть шанс взять их с поличным.

Гаевский недовольно поморщился:

— Вы подменяете милицию.

— Это грузы военного назначения, — возразил я. — Нельзя всякой шпане давать возможность запускать загребушую руку в сокровищницу РККА.

— У РККА нет сокровищниц. Есть военные склады, — начал нудить Грац и звучно шмыгнул носом. Он все время шмыгал носом, что сводило на нет пафос речей.

— Не придирайтесь, Ефим Давидович, — снисходительно улыбнулся Гаевский. — Эта словесная

витиеватость у Ермолая Платоновича после командировок на сказочный Восток, то есть в Среднюю Азию... Работайте, товарищи. С богом не скажу, поскольку он существо мифическое. Но удачи пожелаю.

И пожал нам руки. Ну просто отец солдатам...

ГЛАВА 2

Как же здесь тесно! Ноги не вытянешь. Фадей, шутник, засунул своего начальника в закуток чуть просторнее собачьей будки на крыше брошенного кирпичного ремонтного корпуса. Специально, что ли, чтобы не задавался? Но он инициатор операции. Ему все карты в руки.

Наша засада обосновалась на железнодорожных путях, отходящих от «Пролетарского дизеля». Во время строительства завода здесь был крупный перевалочный пункт стройматериалов, техники и оборудования. Теперь остались разъездные пути, частично брошенные складские и административные строения. Раньше здесь кипела жизнь. Сейчас отстаиваются вагоны под загрузку или после таковой.

Воришкам здесь как медом намазано. Площадь большая, так что охранники ВОХР не успевают уследить за всем. А бывало, что и сами участвовали в разворовывании грузов.

Обычно расхитители работают по мелочам. Но только не шайка вора в законе по кличке Перс. Эти тащили по-крупному. Даже грузовик-полупотурку по

случаю достали — один из бандитов шоферил на базе снабжения Потребкооперации.

Ох, нога затекла. Тесно, душно. И пыльно. Все время чихнуть хочется, но нельзя. И черная железнодорожная тужурка давит — размер маловат. И майская ночь выдалась прохладная.

Сам Фадей пристроился в старом административном здании. Оно комфортнее. А еще там отличный наблюдательный пункт. Оттуда он и подаст сигнал на задержание.

Надо отдать должное моему заместителю — расставил бойцов он так, что шансов скрыться у бандитов практически нет. Все перекрыто. Лишь бы пришли. Лишь бы их никто не спугнул. Лишь бы злодеи нас не заметили раньше времени, палить не начали и кого из сотрудников не задели бы.

Чего гадать? Боевая операция — это всегда неопределенность и случайность. А случай может завести куда угодно. Так что нечего мандражировать. Нервы еще пригодятся.

Вагон будут потрошить метрах в тридцати справа от меня. Начнется у ребят дельце. Поташат они ящики. А тут я, как ангел небесный, с крыши! И отовсюду бойцы лезут — кто в форме, кто в партикулярном платье. Красота! Лишь бы воры пришли на представление!

Я сегодня простой боец. Мое присутствие совсем не обязательно. Но тянет старого кавалериста на подвиги. Не упускаю случая вырваться из бумажной клетки докладных, рапортов, отчетов и планов. Однако дело не только в этом. На таких меропр-

ятях обязательно накопишь что-то ценное. Кусочек информации, не хватающей до полной картины. Ниточку, за которую можно потянуть. Настроения людей. Это пульс жизни города. И, как руководитель НКВД, я обязан его ощущать.

Бандиты идут на дело не в первый раз. Сначала подломили продовольственный магазин в Затурском районе. Потом кассу в заготконторе в Синих Озерах. И теперь решили пожить здесь. Получили наводку, что хороший груз пойдет.

Эшелон воинский. И от греха подальше охрану мы сняли. Рисковать красноармейцами нельзя. Подручные Перса в Озерах оглушили охранника. А в продмаге накололи на нож двоих — люди едва выжили. Сейчас душегубы решили не останавливаться перед убийством. У одного обрез. У главаря револьвер и любимая финка.

Чтобы снять караул, пришлось выдержать настоящую словесную баталию с военными, гарантировать им целостность имущества — дорогостоящих запчастей для техники. Для чего это железо бандитам? Значит, имели каналы сбыта.

Железнодорожный военный комендант заверял:

— Наш боец уложит любого диверсанта. А вы мне про какую-то шпану.

— Нам нужно их с поличным взять. Ничего с грузом не случится. Там наши ребята в каждой будке и канаве.

— Под вашу ответственность!

— Под нашу, — кивнул я. — Нам не привыкать.

В общем, сняли караул. Всех посторонних во избежание неприятностей убрали подальше. Только

плакат со светящимися лампочками не успели повесить: «Добро пожаловать, люди добрые. Грабьте».

Время уж за полночь, судя по фосфоресцирующим в темноте стрелкам моих командирских часов. Ну и где ты, Перс? Где твоя воровская удаль?

Я чуть не впал в дрему, обхватив зябко плечи руками. Вздрогнул, когда услышал голоса. Как молния мелькнуло в сознании: «Они!»

Затаив дыхание, прислушался к скрежету взламываемых замков. К негромким веселым матюгам. Шум отодвигаемой вагонной двери. Звук мотора — это они полупорку прямо к путям подогнали, чтобы не напрягаться. Вот наглые!

Хлопок выстрела... Это Фадей напомнил о себе. И дал отмашку на задержание.

И тут же вопли:

— Стоять! НКВД!

Взмыли вверх осветительные ракеты. Не как днем стало, конечно, но супостата рассмотреть и отличить от своего теперь можно.

Я выскочил из своего укрытия, сжимая наган. Черт, еле ноги двигаются. Окаменел там. Но времени терять нельзя.

Взревел мотор. Хлопнула винтовка. Двигатель грузовика заглох. Отлично, полупорку тормознули!

С края крыши я увидел бегущего внизу тщедушного человека. Был он передо мной как на ладони. А резко он улепetyвает. И никакой реакции на грозные крики в его адрес:

— Стой! Стреляю!

Если правый фланг в суете оголили, может и уйти. Ну а я на что?

Описывать мой мыслительный процесс — это долго. На самом деле все происходило в движении, за считанные секунды.

С двухметровой высоты я спрыгнул на землю, прямо перед бандитом, с криком:

— Стой!

Хотел сбить его на лету, но не рассчитал.

На миг мы очутились друг напротив друга. Низкорослый, юркий противник злобно щерится. Типичная уголовная шваль. И рефлекс у него подлый сработал. Выкинул руку из-за пазухи. Мелькнуло лезвие. Для блатного финка, как пудреница для институтки, — всегда должна быть под рукой и готова к употреблению. И лезвие должно быть не только заточено как бритва, но и помножено на твердую решимость пустить его в дело.

Решимость была. И устремилась стальная смерть прямо мне в живот. Нож в ближнем бою не хуже пистолета. Пропорот мою черную железнодорожную тужурку с медными пуговицами в два ряда, войдет в плоть. А я выстрелить не успеваю!

Каким-то чудом я, матерый гимнаст, изогнулся и отскочил, избежав ранения. Но следующее движение ножа меня достанет!

Бандит подался вперед, чтобы пронзить меня вторым выпадом. И тут я засветил ему рукояткой револьвера по голове.

Треск. Стук падающего тела. Готов. Можно не проверять. Лишь бы очухался. Мне с ним еще поговорить надо.